

Поль д'Аббе

**Любовь и ненависть
античного мира**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
П53

П53 **Поль д'Аббе**
Любовь и ненависть античного мира / Поль д'Аббе – М.: Lennex Corp, —
Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2025. – 200 с.

ISBN 978-5-519-66926-9

«Любовь и ненависть античного мира» — Поль д'Аббе

Историко-культурное исследование, посвящённое представлениям о любви, страсти, вражде и насилии в античном обществе. Автор обращается к мифологии, философии, литературе и повседневным нравам Древней Греции и Рима, показывая, как противоположные чувства формировали мировоззрение, социальные отношения и культуру античного мира.

Автор: Поль д'Аббе
Полное имя: Поль д'Аббе (Paul d'Abbée)

ISBN 978-5-519-66926-9

© Lennex Corp, 2025
© Поль д'Аббе, 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

влеченій, удовольствій, веселья. Публичныя женщины, не имѣющія по закону права жизни въ Аѳинахъ, пользовались въ Пиреѣ полной свободой своего ремесла. Кабачки, таверны, публичные дома были полны ими и гостепріимно открывали свои двери для каждого прохожаго.

При свѣтѣ звѣздъ весь городъ превращался въ громад- ный публичный домъ. Каждый уголокъ представлялъ удоб- ное убѣжище любви, и вздохи страсти заглушались порой возгласами уличныхъ женщинъ, предлагающихъ свои ласки

болѣ бѣдному классу населенія, матросамъ, вольноотпущенникамъ и вообще бездомнымъ пролетаріямъ, такимъ же дѣтямъ ночного мрака, какъ и онѣ.

И вотъ, въ то время, какъ элегантныя гетеры, содержанки и куртизанки начинали свою обычную прогулку подъ стѣнами Аѳинъ, по внѣшнимъ аллеямъ Керамика, или направлялись въ жилища богатыхъ, гдѣ ихъ ждали празднества и пиры, въ это самое время яркія, разноцвѣтныя занавѣси приподнимались на порогахъ публичныхъ домовъ и открывали постороннему взгляду всю ихъ внутреннюю жизнь. Проститутки, завернутыя тонкой, прозрачной матеріей, болѣе соблазнительныя и циничныя, чѣмъ если бы онѣ оставались совершенно нагими, выставляли себя въ самыхъ многообѣщающихъ и манящихъ позахъ, стараясь увеличить свое обаяніе пикантными шутками и двусмысленными замѣчаніями и призывами къ эротическимъ утѣхамъ и къ упоенію сладострастіемъ.

Опытныя, старыя жрицы любви и страсти группировались въ глубинѣ входовъ и зазывали застѣнчивыхъ посѣтителей, прикрывавшихъ свое лицо складками хитона и колебавшихся войти въ этотъ чертогъ сладострастія, хотя соблазнъ вкусить его неизвѣданныхъ наслажденій былъ весьма великъ. Нѣкоторыя изъ обитательницъ этихъ храмовъ любви, стоявшія у ихъ входовъ, какъ живыя вывѣски, были молоды и великолѣпно сложены. Онѣ безъ причины очень громко смѣялись какимъ-то особеннымъ похотливымъ смѣхомъ. Ихъ зубы сверкали необыкновенной бѣлизной изъ подъ ярко раскрашенныхъ губъ, и глаза ихъ, искусно подрисованные, казались чрезмѣрно большими. Точно спѣлый плодъ поддерживали онѣ обѣими руками свои обнаженныя груди, съ подкрашенными карминомъ вершинками, и особымъ характернымъ движеніемъ показывали ихъ мимолетнымъ покупателямъ ласкъ и любовныхъ утѣхъ.

Представительницы почти всѣхъ племенъ находились въ этихъ притонахъ разврата, отъ дочерей знойныхъ песковъ съ блестящей, горячей кожей, до дочерей Германіи съ тѣломъ цвѣта чистаго воска и съ пышными свѣтлыми золотистыми волосами, свѣтлѣе меда. Тѣ, что родились подъ сѣрымъ холоднымъ небомъ, отличались крупнымъ сложениемъ, представительницы восточныхъ народовъ были меленны и пластичны, берберійки походили на бронзовыя

статуи, а дочери Иберии, стройныя и граціозныя, возбуждали желаніе томностью и глубиной своихъ взглядовъ.

Афродита Пандемось воодушевляла съ высоты своего пьедестала всѣхъ этихъ жриць любви, Афродита была имъ примѣромъ, Афродита, рожденная тѣмъ самымъ моремъ, шумъ котораго сливался временами съ вздохами страсти и обладанія; и всѣ эти женщины, воплощенія нѣги и желаній, ощущали вліяніе морской стихіи въ поцѣлуяхъ своихъ лю-

бовниковъ, истыхъ и крѣпкихъ дѣтей моря, сходявшихъ на берегъ на какой нибудь часъ, чтобы отдаться страсти въ ласкахъ, самыхъ необузданныхъ и горячихъ.

Домъ куртизанки Тимандры находился у „Длинныхъ Стѣнъ“ и по своему богатству, по великолѣпію и особенно по обширности своихъ садовъ, что являлось почти недоступной роскошью для тѣснаго Пирея, считался однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дворцовъ въ Афинахъ. Тимандра была богата: щедрость ея содержателей составила ей прочное состояніе, не перестававшее возрастать, благодаря крупнымъ подаркамъ мѣнялы Менеклида, котораго считали обладателемъ колоссальнаго богатства въ 200 талантовъ.

Банкиръ Менеклидъ былъ некрасивъ, небольшого роста, съ плохо сложенной угловатой фигурой. Однако, такая внѣшность не помѣшала гетерѣ,—чья красота и превосходство достигали такой степени, что одинъ поклонникъ начертилъ на ея домѣ изрѣченіе: „красота Тимандры равняется лишь красотѣ Афродиты“,—предпочесть его всѣмъ его соперникамъ, и даже отклонить предложеніе какого-то безумно влюбленнаго въ нее властителя чужой страны. Нѣкоторые сочли ея отказъ за сумасшествіе. Польщенный же и удовлетворенный въ своемъ тщеславіи Менеклидъ еще сильнѣе привязался къ куртизанкѣ.

Она постепенно сдѣлалась его повѣренной и совѣтницей, поставивъ удовлетвореніе собственнаго тщеславія выше любовныхъ связей, руководимыхъ только страстью. Она мечтала уподобиться Аспазіи, не разсчитывая, конечно, преобразить въ Перикла своего тяжеловѣснаго обладателя; тѣмъ не менѣе, она находила этого честолюбиваго выскочку, сравнительно съ другими, болѣе способнымъ занять положеніе, завоеванное погонщикомъ Лизиклеса, и тѣмъ достичь высокихъ должностей. Кромѣ того, онъ былъ вполне подходящимъ орудіемъ для удовлетворенія ея злобы и ненависти, развѣдавшихъ ея сердце, чего она никогда не могла бы достичь съ человѣкомъ, болѣе развитымъ и проницательнымъ.

Какъ и большинство греческихъ построекъ, домъ Тимандры имѣлъ, кромѣ одной балконной двери надъ входомъ, только узкія рѣшетчатаяя отверстія; но внѣшняя строгость пополнялась роскошью внутренняго убранства. Полъ гал-

лереи былъ мозаичный, а потолокъ поддерживался мраморными колоннами. Стѣны были разрисованы красивыми видами и рисунками на игривую тему: надъ входомъ красовалось изрѣченіе, сулящее гостепріимство; цѣлыя гирлянды цвѣтовъ украшали ступени, и прѣтивъ входа, на низкомъ пьедесталѣ, стояла статуя богини Афродиты высѣченная изъ чистѣйшаго паросскаго мрамора, съ лицомъ и фигурой Тимандры.

Этотъ вечеръ куртизанка проводила въ своемъ саду, въ бесѣдкѣ изъ розъ, въ кругу извѣстныхъ въ то время людей. Ея гостями были: знаменитый Аристофанъ, Каллистратъ, сатирикъ и актеръ, Тимей, ораторъ Андроклъ, общественный дѣятель Менекрытъ, артистъ-художникъ Филотасъ, архитекторъ Хоробъ, скульпторъ Тимаркъ, любимый ученикъ великаго Фидіа, поэтъ Мекангъ, интимный другъ хозяйки, и, наконецъ, старая гетера Пареенисъ.

Тимандра не любила общества женщинъ. Она признавала ихъ очаровательными соучастницами сладострастія, но про себя находила ихъ вѣтренными, любопытными и вообще ничтожными, и считала не-

осторожнымъ широко открыть имъ свое гостепріимство: онѣ слишкомъ быстро узнавали интимныя тайны, спѣшили разоблачать ихъ и распространяли, прикрашивая истину по своему вкусу.

Пареенисъ составляла исключеніе. Ея опытность была полезна Тимандрѣ; кромѣ того Тимандрѣ нравилось подчеркивать блескъ своей молодой красоты, не нуждавшейся ни

въ какой подправкѣ, контрастомъ дряхлости своей подруги. Тщеславіе женщинъ безпредѣльнѣ моря, и умъ даже самыхъ ограниченныхъ созданій обладаетъ достаточной остротой для удовлетворенія этого качества женской души.

Общество Тимандры очень цѣнилось. Важные иностранцы постоянно, но не всегда съ успѣхомъ, добивались чести быть принятыми въ ея домѣ, откуда она очень искусно изгоняла паразитовъ, докучливыхъ и назойливыхъ для всѣхъ сильныхъ міра сего. Если она и рѣшалась предоставить имъ мѣсто на своихъ празднествахъ, то единственно для того, чтобы нарушеніемъ принятаго обычая не повредить своей репутаціи, и, особенно, чтобы увеличить популярность Менеклида, который постоянно водилъ за собой цѣлую толпу льстецовъ, готовыхъ его прославлять, восторгаться каждымъ его словомъ, подслуживаться и унижаться. Нѣкоторые изъ нихъ доходили до того, что обтирали своими плащами запыленную обувь коммерсанта, другіе подметали своими одеждами грязную дорогу, гдѣ предстояло пройти банкиру. Всѣ эти изъявленія низкопоклонства лстили тщеславному выскочкѣ, принимавшему подобное раболѣпіе, какъ нѣчто заслуженное, но предпочитавшаго скрывать свои чувства отъ Тимандры, зная, что она ихъ не одобритъ.

Тимандра полулежала на низкой кушеткѣ, покрытой подушками. Бѣлая туника изъ легкой ткани, схваченная на каждомъ плечѣ металлической застежкой съ вѣткой гіацинтовъ и перетянутая золотымъ поясомъ, покрывала ее и мягко обрисовывала ея фигуру. На правомъ боку длинный разрѣзъ позволялъ видѣть ногу, чудесной формы и точно выточенную изъ слоновой кости. Возлѣ колѣнъ вырисовывались маленькія ямочки, а ближе къ бедру кожа становилась болѣе нѣжно-розовой, нѣжности лепестка, и достигала оттѣнка морской раковины, еще влажной отъ морской волны. Въ ушахъ были вдѣты висячія серьги изъ крупнаго жемчуга, ожерелье изъ золотыхъ звѣздочекъ, соединенныхъ драгоценными камнями окружало въ три ряда ея шею и на бѣломраморной груди, на тонкой цѣпочкѣ висѣла миниатюрная голова сфинкса, любимая эмблема гетеръ. Лицо было едва тронуто краской; смягченные помадами, уснащенные душистыми эссенціями и тщательно завитые волосы были собраны въ конусообразную греческую прическу, перехвачены ярко-красными лентами и проколоты длинными золо-

тыми булавками; глаза красавицы, цвѣта прозрачнаго сапфира, блестѣли подѣ свѣтлыми, длинными рѣсницами; голосъ ея былъ гармонично-пѣвучъ.

Верхнюю часть руки обвивала золотая эмалированная змѣйка и какъ будто любовно и нѣжно прижималась къ ея атласной кожѣ; при каждомъ движеніи молодой женщины звенѣли браслеты, украшенные драгоценными камнями; два голубя, беззаботно расправляя свои крылышки и расчищая пушистыя перышки, нѣжно поклевывали ея ноги, около сборчатыхъ сандалій изъ краснаго сафьяна съ изумрудными застежками.

Одуряющее благоуханіе исходило отъ растений и кустарниковъ; воздухъ былъ напоенъ нѣсколько горькимъ ароматомъ буксуса и острымъ запахомъ кипариса. Гибкія вершины деревьевъ не колыхались, и ни одинъ листъ не шевелился. Въ глубинѣ главной аллеи, между двумя линіями кустовъ, подѣ открытымъ небомъ, какъ подѣ голубымъ прозрачнымъ покрываломъ, ярко бѣлѣла статуя богини любви.

Неподвижныя рабыни стояли возлѣ ложа своей хозяйки и плавно обмахивали ее широкими голубыми вѣерами; ритмическое дуновеніе перьевъ на этихъ вѣерахъ приподнимало легкую матерію туники Тимандры и обнажало ея прелестную по формѣ грудь, полную и круглую, цвѣта алебаstra, съ подрумяненными карминомъ вершинками, трепетавшими при каждомъ вздохѣ.

Тимандра слушала Аристофана, излагавшаго планъ своей будущей комедіи „Птицы“ и подробно развивавшаго эпизоды пьесы.

Аристофанъ обладалъ благородной внѣшностью: пышная вьющаяся борода обрамляла его нѣсколько удлинненное лицо съ немного выдающейся впередъ верхнюю челюстью. Его гу-

стые волосы падали назадъ крупными локонами, открывая высокій лобъ, на которомъ глубокая мысль уже слегка прочертила тонкія морщинки; его глаза свѣтились огнемъ жизни и хитрости, по губамъ, хотя и полнымъ, скользила присущая имъ насмѣшка.

Авторъ „Всадниковъ“ излагалъ свои мысли съ горячностью, сопровождая свои фразы характернымъ жестомъ руки, подчеркивая намеки и отгѣняя иронію. Едва онъ окончилъ свою рѣчь, какъ Каллистратъ воскликнулъ:

— Это твое самое лучшее произведение!.. Твое вдохновеніе не достигало еще до сихъ поръ такой высоты!..

— Я раздѣляю мнѣніе твоего друга, — поддержала Тимандра, — аллегорія введена съ геніальной ловкостью

Всѣ наперерывъ стали разсыпаться въ похвалахъ. Андроклъ особенно хвалилъ манеру, съ которой поэтъ обрисовалъ народъ:

— Никто лучше тебя не можетъ очертить характеръ народа. Я смѣло могу считать себя судьей въ этомъ вопросѣ, т. к. я ежедневно страдаю въ собраніи отъ его болтовни и непослѣдовательности. Ты правъ, Аристофанъ, народъ ничтоженъ, вѣтренъ, непредусмотрителенъ, онъ постоянно пере-скакиваетъ съ проекта на проектъ, какъ птица съ вѣтки на вѣтку.

— Я всегда воздавалъ должное твоему таланту, Аристофанъ, — произнесъ Менеkratъ, — хотя и не щадилъ тебя своей критикой. Я обвинялъ тебя въ заимствованіи идей у нашихъ противниковъ, въ желаніи улучшить старое, вмѣсто того, чтобы ввести новое; это опасная утопія: безразсудно реформировать то, что не можетъ сдѣлаться лучшимъ. что только и стремиться стать хуже. Но сегодня я вполне съ тобой соглашаюсь...

— А между тѣмъ, я былъ твоихъ взглядовъ, — возразилъ Аристофанъ. — Я не переставалъ презирать этотъ народъ, который воплощаетъ въ себѣ все, можетъ достичь всего, можетъ желать всего, составляетъ и перекраиваетъ законы по своему капризу, подчиняясь или своему минутному настроенію, или низкому разсчету. Я допускаю, я согласенъ, чтобы ему было предоставлено право участія въ дѣлахъ государства, но не такое, какого народъ добивается и какое ему совсѣмъ не къ лицу. Пусть онъ уходитъ съ Пникса и возвращается къ себѣ въ деревню, или въ Пирей, къ своимъ

сельскимъ занятіямъ, или къ мелкому торгашеству, и перестанетъ докучать намъ съ своими глупостями...

— Народъ осуждаетъ утромъ то, что будетъ одобрять вечеромъ,—замѣтилъ Тимей.

Въ этотъ моментъ Менеклидъ, развалившійся въ креслѣ изъ слоновой кости, рѣзко прервалъ свое молчаніе:

— Клянусь богами!—воскликнулъ онъ. —Ты выражаешься справедливо... Слѣдуетъ отдѣлаться отъ этихъ сумасшедшихъ, которые насъ тиранятъ, подъ предлогомъ управленія нами. Ихъ единственная мысль—жить на счетъ богатыхъ... Ихъ единственная забота — попрочнѣе захватить власть, чтобы, какъ можно скорѣе, добиться раззоренія состоятельныхъ людей...

Онъ задыхался. Его широкое, плоское лицо съ приплюснутымъ носомъ и съ трехъэтажнымъ подбородкомъ, спускающимся на волосатую грудь, сдѣлалось пунцовымъ отъ негодованія и бѣшенства.

Враждебное отношеніе, которое питало благородное сословіе Аѳинъ къ геліастамъ, членамъ гражданскаго суда и вообще къ демократіи, увеличивалось у Менеклида еще тѣмъ чувствомъ озлобленія, которое испытываетъ человѣкъ низкаго происхожденія противъ всего, что напоминаетъ ему его предковъ.

— Ага!.. Ты дрожишь за свои богатства!—бросилъ ему Каллистратъ.—Успокойся, чернь еще не на твоемъ порогѣ. Да притомъ, стоитъ-ли тебѣ такъ ее страшиться!?. Развѣ ты не сохранилъ съ нею никакого родства?!

Мѣняла подскочилъ.

— На что намекаешь ты, собачій языкъ?!

— Великолѣпно!.. Вотъ, когда ты выражаешься языкомъ настоящаго демагога!.. Ложись снова и не вращай угрожающе своими бѣлками... Совѣтую тебѣ не подражать пѣтуху, подымающему тревогу при каждомъ шумѣ.

Всѣ разсмѣялись.

Менеклидъ и актеръ постоянно ссорились, первый ненавидѣлъ второго, но не рѣшался удалить его изъ общества Тимандры, боясь его насмѣшекъ. Онъ вообще презиралъ всѣхъ этихъ артистовъ, поэтовъ, ораторовъ, пирующихъ за его столомъ, опорожняющихъ его амѳоры, пользующихся его роскошью, но онъ считалъ для себя и для своего положенія полезнымъ собирать ихъ въ большемъ числѣ вокругъ себя,

и считаться ихъ меценатомъ. Прислушиваясь къ ихъ разговорамъ, онъ старался усвоить себѣ самыя остроумныя выраженія съ тѣмъ, чтобы при случаѣ блеснуть ими передъ своими собесѣдниками при совершеніи торговыхъ сдѣлокъ на Агорѣ или на рынкѣ. Въ остальное время онъ предпочиталъ пережевывать про себя расчеты по спекуляціи хлѣбомъ, кожей и прочими товарами, или мечтать о наслажденіи, ожидающемъ его въ объятіяхъ гетеры.

Съ полузакрытыми глазами онъ любовался пластичностью формъ Тимандры, красотю ея почти обнаженной груди, и подъ вліяніемъ этого зрѣлища его губы складывались въ похотливую и сладострастную гримасу. Вино возбуждало и еще болѣе разгорячало его чувственность. Своими наслажденіями онъ обязанъ своему богатству, тому богатству, и крупица котораго не доступна его насмѣшникамъ, но на которое онъ свободно можетъ купить цѣлую часть Аѳинъ, всѣ корабли въ Пирей, и толпы рабовъ...

Въ это мгновеніе раздалось стрекотаніе запоздавшей стрекозы на сосѣднемъ деревѣ.

— Символь народа,—пробормоталъ Аристофанъ,—съ той разницей, что стрекозы поютъ только одинъ или два мѣсяца, тогда какъ чернь поетъ неустомимо и притомъ отвратительную пѣсню.

— Да, наши традиціи сдѣлаются скоро пустымъ словомъ,—замѣтилъ унылымъ тономъ Менекратъ.—Свобода нашихъ нравовъ, легкость нашихъ отношеній станетъ однимъ воспоминаніемъ. Начнутъ шпионить наши малѣйшія дѣйствія, на насъ будутъ доносить за каждый жестъ, за каждое слово, за цвѣтъ нашей обуви или нашихъ хитоновъ. Демократы завидуютъ нашему изяществу. Наша веселость на празднествахъ будетъ считаться преступной, и наши свободныя шутки послѣ выпитаго вина послужатъ оружіемъ противъ насъ самихъ.

— Ну что-жь!—возразилъ Тимей.—Ты найдешь утѣшеніе въ выслушиваніи трескучихъ процессовъ. Развѣ ты ни во что не цѣнишь возможность внимать постоянной болтовнѣ и осужденіямъ толпы?! А когда эти развлеченія тебя утомятъ, ты сможешь чачать восхищаться новымъ властелиномъ нашихъ судебъ, другомъ софистовъ, такъ сказать, потомкомъ Аякса. Развѣ ты, томясь своей безпомощностью, не будешь чувствовать себя счастливымъ въ то время, когда онъ будетъ